

Людмила Кулагина

Радость и грусть бытия

Людмила Кулагина

Радость и грусть бытия

«Автор»

Кулагина Л.

Радость и грусть бытия / Л. Кулагина — «Автор»,

Настоящее издание стихотворений является вторым сборником стихов Сергеевой Людмилы Ивановны. Первый сборник, также выпущенный под девичьей фамилией автора Кулагиной, называется «Да будет день!». В данный сборник вошли стихотворения, написанные автором в 2007 – 2008 гг.. Каждый новый день жизни так или иначе отражается в чувствах человека. Жизнь пронизана чувствами людей, как природа солнечным светом или сумраком ненастья. В названии сборника – «Радость и грусть бытия» автор и попытался отчасти отразить эту мимолётность настроений, переживаний, текучесть и разнообразие чувств, которыми наполнено мироощущение каждого из нас. Сборник представляет интерес для всех, кто пытается разобраться в себе, склонен к рефлексии, самоанализу, кто ощущает свою слитность и гармонию с миром природы, кто способен искренно и глубоко сочувствовать состояниям других людей, кто ищет свой путь к внутренней гармонии.

© Кулагина Л.

© Автор

Содержание

Два света	6
Чистый голос жизни	7
Сирень на улице Гоголя в мае	9
Вечерний дождь	10
Гимн Весне	11
Петух	14
Облака над полынковским	16
Обрывки детских воспоминаний	17
Теперь я вольная птица,	19
Узоры жизни	20
Сказочное утро	21
Голубая лагуна мечты	22
В апрельский ветреный день	23
Манная каша детства	24
Радоница в Тамбове	25
Поэзия	26
Весна на фотографии	28
Весенней ночью	29
Весна идёт	30
Весна	31
Очарованная юность	32
Осенняя судьба	33
Земная печаль	35
Весенний дождь	36
Когда созреет кедр	37
Летние сказки	38
Под воскресшею звездой	40
Фото под пальмой	41
Страшный сон	43
На рассвете	45
Пока ты со мной	46
Ревность	47
Утро	49
Жара в красках	50
Попытка самоуговора	52
В однокомнатной «хрущёвке»	54
Случай в Асеевском парке	55
Тирада против быта	57
Райские дни	58
И снова жизнь!	59
«Иди и говори»	60
Портрет с противоречьями	61
Возрождение к жизни	62
«Люблю и ненавижу»[14]	63
Грусть Асеевского парка[15]	64
Про собак и котов	66

Путь к Богу	68
Призыв к покаянию	70
Культура красоты или красота культуры?	71
Ирине Бирюковой	73
Миражи	74
Обращение к своему веку-времени	75
Таинственные знаки судьбы	76
Вчера, сегодня, завтра... никогда	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Людмила Кулагина

Радость и грусть бытия

Стихотворения

Два света

Мой читатель, мой друг, визави,
На досуге прочтёшь мою душу,
Где хватает печали, разлук и любви, –
Потрясла меня жизнь, словно грушу.

Пусть пронзит твоё сердце стрела
Сострадания, любви и разлуки:
Как я вынести столько смогла
В жизни счастья, и боли, и муки.

Не суди, не ругай, а раскрой-отвори
Для прощения сердце, как окна
Открываю и я для вечерней зари,
Где созреет последний мой кокон.

Бедолага и я на земле, как и все,
Кто свой век и свой грех отбывает.
Кто по утренней, кто по вечерней росе,
Все убудем из местного «рая».

И душа моя бабочкой в небо вспорхнёт,
Отлетит, обретя свои крылья.
Кто-то близкий вослед ей слезинку смахнёт
И застынет в молчанье бессильном.

Но пока на земле мы вдыхаем её
Воздух жизни, не óтнятый Лéтой¹,
Только светом любви в этом мире живём, –
Пусть мой свет с вашим встретится светом.

9 мая 2007 г.

¹ Лета – в греческой мифологии река забвения в подземном царстве

Чистый голос жизни

Не люблю толкаться и «крутиться»,
Чтоб под солнцем место застолбить.
Собираю счастье по крупичам,
Чтобы жизнь, как птицы, полюбить.

Мне всё меньше в этой жизни надо,
Чтобы солнцем мир вокруг светил,
Пахнул яблоком заоблачного сада,
Сирином² про счастье голосил.

Сердце мне шестым и древним чувством
Говорит про жизнь: любить спеши!
Песней каждый день встречать – искусство
Птичьей нестяжательной души.

Разве это жизнь: в конторах-клетях?
Разве это жизнь: купи-продай?
Все мы, как завистливые дети:
– Я хочу такое же, отдай!

Мне теперь не нужно «прибамбасов»³, –
Я сторонник жизни простоты:
Всё, чем Божий мир душе прекрасен,
Вряд ли в магазинах купишь ты.

Кот на солнце греется – блаженство!
Селезень, как принц, плывёт красив!
Лист осенний – просто совершенство!
Здесь не надо пропусков и «ксив»⁴.

Всё бесплатно, всё доступно глазу, –
Наслаждайся, впитывай, внемли.
Здесь сверкают капли, а не «стразы»⁵, –
Бриллианты солнечной земли.

Ничего, что бедность свои гнёзда
Всем небесным певчим птицам вьёт, –
Звонче, и пронзительней, и звёздней
Жизнь в них чистым голосом поёт!

² Сирин – в древнерусской мифологии: сладкозвучно поющая птица с женским лицом.

³ Здесь: какое-либо излишнее украшательство, довесок, дополнительная деталь быта или одежды.

⁴ «Ксива» – в просторечии, документ.

⁵ «Стразы» – блестящие мелкие стёклышки, подделки под бриллианты, модные аксессуары одежды.

29 октября 2007 г.

Сирень на улице Гоголя в мае

Полыхала улица сиренью,
Неземным дохнул блаженством край!
В дивное цветения мгновенье
Приоткрылся смертным вешний рай.

Засветилась улица родная
Аметиста кйпенным огнём,
Будто райских птиц слетела стая
На кусты сирени майским днём.

Пламенела улица, и пахло
Счастьем так в сиреновом раю!
Шёл народ по улице, не ахал,
Там, где я с открытым ртом стою.

У народа – беды и заботы,
Шёл, минуя он призыв сирен,
Шёл на рынки, речку и работы,
А меня взяла в полон сирень.

Я стояла, ошалев от чуда,
В проходном сиреновом раю.
Шла куда, не помню, и откуда,
Слыша лишь, как Ангелы поют.

Может, рядом ехали машины,
Может быть, звучал собачий лай...
Я не слышала ни лай, ни шорох шины, –
Пел сиреневую песню тихий май.

Если петь придётся жизни время,
Как смогу цвет мая обойти:
Сочиню я оду всем сиреням,
Раз в году дышавших раем на пути.

Пусть нестойк цвет и запах мая, –
Отцветёт, увянет, облетит.
Но сиреней бело-розовая стая
В облаках души моей летит.

28-29 мая 2007 г.

Вечерний дождь

Дождь, как голубь, клюёт подоконник
За холодным вечерним окном,
Непогодник, весенник, бессонник
Запустил к ночи свой метроном.

Дождались. Наконец-то закапал
На обиженный зеленю лес,
Подкатился на тучке закатной
По агату погасших небес.

Он до нас целый день добирался,
Хмурил брови и ликом темнел,
Видно, плакать не раз собирался,
Но зачем-то до ночи терпел.

А когда над подушкой витали
Полунóчные первые сны,
И затихли шумы, слышны стали
Потаённые всхлипы весны.

Голубь-призрак клюёт капли-крошки:
Клюв-клюв-клюв, как-кап-кап – моросит,
Мокрым клювом стучится в окошко.
Тише, дождик, народ уже спит...

В ночь с 1 на 2 мая 2007 г.

Гимн Весне

Какая славная пора –
Весенне-майское цветенье!
Мне не узнать квадрат двора:
Так ярок свет, контрастны тени.

И детвора, как мошकारа,
Роится около песочниц,
И жёлтого песка гора
Впитала солнечную сочность.

Копилками сидят коты,
Русалочьим поводят глазом.
Пышны, роскошны их хвосты,
И так сверкает глаз алмазом!

А одуванчиков желтки
Гурманы-пчёлы облепили,
Их лапки, рыльца, хоботки,
Как в пудре, все в цветочной пыли.

Шуршат воробышки в песке,
Купаясь в нём, как в речке гуси.
А я иду собрать в леске
Гирлянду ландышевых бусин.

Черёмухи миндальный дух
Волной душистою накроет,
И, словно утренний петух,
На счастье жизнь мою настроит.

В зелёных кущах парков, рош
Повсюду соловьи уж свищут
Во всю их соловьину мощь!
И комары вкушают пищу.

Комар присел попить кровцы,
Пришлось прихлопнуть: мал, да злостен.
Звенят зорянки и скворцы –
Весны порхающие гости.

Щедра кукушка на года.
А водяной к болотцу тянет,
Где пучеглазая вода
Поёт в слиянье Инь и Яней.

Синичка тенькает в тени,
Мелькая чёрненькой береткой.
И близко – руку протяни –
Сверкает луч в авоське ветки.

В просвете вынырнет река,
И в ней – деревьев продолженья.
Волна качает их, легка,
И заставляет отраженья

В зигзаге водных молний жить,
В воде посверкивают искры,
И дождь из «зайчиков» бежит
По веткам ивы золотистый.

Плывёт, подчёркивая плоть
Лесной кудесницы зелёной,
Чьей так души аморфна вода,
На волнах цвет, слетевший с клёнов.

Вдруг катер выскочит, и чёлн
Качается в «хвосте павлиньем»,
С русалкой в яркой майке в нём.
И пляшет солнце в вихре линий!

А на полянке, вся в цвету,
Среди берёз – невеста-груша.
Душистый ветер веет тут
И мендельсонно шепчет в уши.

Взойдётся на луг, как на алтарь,
Боясь ногой задеть фиалку.
Здесь года два, не так, как встарь,
Косарь не косит травы. Жалко

Мне было раньше луг в цвету, –
Его красу на корм косили,
Где пчёлки были на лету,
И смолка, и клубника в силе.

Теперь иначе. Луг лежит,
Косой безжалостной не тронут,
И ветерка волна бежит,
По травам, словно по затону.

Тропинка вьётся, зелена
У подорожника в ладошках.
Навеселе, как от вина,
Иду, куда ведёт дорожка.

В углу полянки – царь-лопух,
И дух такой стоит крапивный!
Душист мой майский райский луг.
Но как зудит комар противный!

В чащобе, средь кустов малин
Я куст смородины «обрящу»,
Но, как ужаленный павлин,
От комаров сбегу из чащи.

Нежданно – парочка в кустах.
И вновь крапива-недотрога.
И созревает на устах
Хвала создавшему всё Богу.

Везде звенит чив-чив, чив-чив!
Вдруг соловей подпустит трелей!
Пускает и душа лучи,
Звучит волшебною свирелью.

Так ей отрадно, так светло,
Так Божий мир блаженством пахнет,
Черёмухой, рекой, ветлой, –
Душа порхает внешней птахой!

19-20 мая 2007 г.

Петух

Зачем с зарёй народ ты будишь,
Взлетев, как пламя, на плетень,
Не зная праздников, ни буден,
Кричишь окрест: «Да будет день!»

Свинья – в хлеву, овца – в загоне,
Коровы в стойле не мычат,
В яслях и лошади и кони
Не выступают, а молчат.

Тебе лишь, крикуну, неймётся,
Чуть свет, гортань уже дерёшь.
Ужели утро не начнётся,
Коль ты свой клич не проорёшь?!

Кого зовёшь, хвостом блистая,
Как мантией златой, цари?
То ль гонишь сумрака ты стаю,
То ль кличешь радугу зари?

Ну, кто тебя уполномочил,
Тряся пурпурным гребешком,
Гнать сны пророческие ночи,
Забравшись на забор верхом?

Кто дал тебе такое право,
Чьей волей ты миссионер?!..
Как все, клевал бы просо, травы,
Не пробуждал дневных химер.

Так нет же, Петечке не спится,
Орёт своё «Ку-ка-ре-ку!», –
Как будто кто-то вставил спицу
В бок, шутки ради, дураку.

– Ступай, полуночный Шаляпин,
Ко-ко-корми ты кур гарем!
Придворный люд его аляпист,
А он, как Цезарь, на заре

Взобраться на трибуну хочет
И голосить: «Ку-ка-ре-ку!»
Для кур внизу, в навозе, – кочет,
Но с Солнцем – Царь он наверху.

Едва восток зарёй займётся,
Туманно-млечен, как опал,
Не спится Петечке, неймётся:
Ведь гены помнят – он летал!

Теперь живёт он жизнью сытой,
Но... пахнет супом во дворе.
Не спят в нём гены, и не спит он,
И рвётся к Солнцу на заре.

26 мая 2007 г.

Облака над полынковским кладбищем в мае

Облака, облака, облака...
Так плывёте, близки, над погостом,
Будто кто-то нас издалека
Зазывает с небес к себе в гости.

Светозарны, воздушны, легки,
Так в отчизну зовущие рая!
По просторам лазурной реки
Вы плывёте, с мечтою играя.

И услышав небесный хорал,
Кто из нас в этой скорби юдоли
По нетленным дворцам не хворал,
Не желал иной участи-доли?..

Но печаль, что была глубока,
Станет светлой, и глаз прослезится,
Над могилкой узрев голубка,
И вспорхнёт вдруг душа голубицей.

Пусть порой моя жизнь нелегка,
Пусть судьба на меня часто злится,
Но плывут надо мной облака,
И душа моя в небо стремится.

11-12 мая 2007 г.

Обрывки детских воспоминаний

Старинный фильм. Индийское кино.
Ворованные яблоки. И прятки.
Река по пояс, в полуметре дно.
И первая влюблённость без оглядки.

Открытки памятные кинозвёзд –
«Амфибии», «Бродяги», «Мушкетёров».
Страстей любви индийской перехлест,
Бесплотная заоблачность актёров.

Приёмник рижский. Фикус. Патефон,
Поющий «Рио-Риту» и «Голубку».
И абажур – матерчатый плафон.
И души детства, рыхлые, как губки.

И очередь в подвале голубом
За молоком. И липкие конфеты –
«Подушечки», слепившиеся в ком.
Походы в лес за земляникой летом.

И сахара варёного луна,
Расколота мамой на кусочки.
Коленки в ссадинах, как мякоть кавуна.
Игра в «синатры», «матери-и-дочки».

И дружные соседи. И лапта.
И ожиданье коммунизма втуне.
И кукурузный бум, и вся «лапша»,
Навешанная на судьбе-фортуне.

О, как была я счастлива тогда
Под музыку мечты, оркестра в парке,
Что вдруг судьба своё сказала «Да!», –
Позволив жить и мне в стране-подарке.

Что у меня два платья – не беда,
И туфельки, ободранные с носа,
И во дворе – «удобства» и вода,
И пахнут бедностью и дом, и папиросы

Соседа Сани, что был одноглаз,
Пел под гитару, всё равно что Визбор.
Из лампочек каких-то и пластмасс
Он мастерил свой первый телевизор.

А я крутилась возле, как юла,
Как вся материя со склонностью вертеться.
Я любопытно-любопытной была,
И некуда к тому же было деться.

Пустая площадь, рынок, сквер, дома.
Кинотеатр (не помню, хоть убейте).
На этажерке – странные тома.
Читать про Партию и Право? – пожалейте!

Учительница – «немка» и клеймо
Концлагеря (не нашего, чужого).
История про Золушку с Жэймо⁶.
И эхо в церкви преданного Бога.

Всё это было. Поросло быльём.
И коммунизма блажь, и кукуруза.
И предприимчивым обобрана жульём,
Болеет Русь, и горько плачет Муза.

И в праздник новый города, страны,
Лишь издали вдыхая дух с шампуров,
Бредут вдоль мусорок, непраздничны, страшны,
Бомжи-бродяги, не слыжавшие Капура⁷:
«Абарайя-а-а-а-а!..
Абарайя-а-а-а-а!..».

12 июня 2007 г.

⁶ Янина Жэймо – актриса советского кино, сыгравшая роль Золушки в одноимённом фильме.

⁷ Радж Капур – актёр индийского кино, сыгравший роль Бродяги в одноимённом фильме.

Теперь я вольная птица, или моя жизнь на пенсии

Я не из тех, кто решает о дне,
Каким ему быть, как вертеться.
Пусть он вызревает, как колос, во мне.
Каким дню быть, скажет мне сердце.

Возьмусь мыть посуду, глядишь, в голове
Какая-то строчка «гнездится»,
Пищит перепёлкой в бурьяне-траве,
Спешит на бумагу излиться.

Уборку затею – пыль вытереть с книг,
Раскрою одну-две навскидку,
И вот неотрывно читаю уж их,
Вписавшись в диван под накидку.

В окошке увижу – плывут облака
В контрастном предгрозя свеченье.
И вот, все оставив дела на «пока»,
Меняю своё облачение.

Дианою став, я охочусь за ним –
За дивным прекрасным мгновеньем:
Снимаю я небо, и речку, и нимф,
И золотой одуванчиков нимб,
Все в зелень испачкав колени.

Вернувшись, поем, почитаю, посплю, –
Меня утомила прогулка,
Хотя быть на воздухе очень люблю,
Бродить по тропинкам, проулкам.

Ведь это я раньше, как пёс на цепи,
Работу лишь знала да кухню.
Живу теперь вольно, баржѹ отцепив,
С утра не вздыхаю: «Эй, ухнем!»

Как птицы, чего-нибудь да поклюю,
Пою, песней сердце латаю,
И жаль только, осенью с ними на юг
Лететь не смогу, – не летаю.

14 мая 2007 г.

Узоры жизни

Сплетаю кружева волшебных слов,
Как кружевница, трогая коклюшки,
Чтоб выткался узор прекрасных снов,
Чтоб там пестрели размышленья-мушки,

И чувства-бабочки и стрекоза мечты, –
И виртуальная дней жизни пища:
Крупинки счастья, грусти, красоты,
Чтоб в будущем, когда я стану нищей,

Обобрана годами, как и все,
Могла питаться прошлого нектаром,
И в памяти – живительной росе,
Играла б жизнь цветным хрустальным шаром.

22 июня 2007 г.

Сказочное утро

Утро блещет позолотой
На шкатулке, на иконах,
И сияет за неплотной
Штор завесою оконной.

В тёмной шкафа полировке
Свет, предметы отражая,
Как обманщик прозы ловкий,
В сказку дом преображает.

За туманностью торшера
Средь цветов зеркальных джунглей,
То ль в лесу, а то ль в пещере
Огоньки сияют ўглей.

В интерьерный дубль туманный
Проникая сквозь предметы,
Сей реальностью обманной
Соблазнился взгляд поэта.

Я ныряю вглубь пространства,
С отражением сливаясь,
Сквозь предметности нюансы
В мир зеркальности внедряясь.

Не к реальности привязкой,
Не к унылости невзрачной, –
Миг побуду Феей в сказке
С её хрупкостью прозрачной.

Но изменишь взгляда ракурс, –
Пропадает ощущение,
Что давало сердцу радость:
В сказку дома превращенье.

Из окна прохладой веет.
Блажь иллюзий исчезает.
В жизнь твою на место Феи
Будни тыквою влезают...

24 апреля 2007 г.

Голубая лагуна мечты

На утлой лодчонке по гребням-волнам,
По бурям житейского моря
Плыву, озираясь по всем сторонам,
Я в поисках места без горя.

От горя к горам, от мирской суеты –
К лагунам в морскую обитель,
На лодке дырявой везу я мечты,
Себе и маяк и смотритель.

Несётся в обитель затишья мой чёлн,
К своей благодати жемчужной.
Балласт прежней жизни лежит кирпичом, –
Когда-то он станет ненужным.

Он близок уже – вожденный тот край,
Где брошу заветный свой якорь.
Откроется взорам лазоревый рай,
Желанный и солнечно-яркий.

Мой аквамарином пронизанный рай,
К тебе я плыву сквозь ненастья.
Прошу у судьбы: бреши в лодке задрай
И дай хоть немножечко счастья.

22 января 2008 г.

В апрельский ветреный день

Солнце сто раз появлялось,
Пряталось снова за тучкой.
Всё, что росло, то качалось
Оптом, и врозь, и поштучно.
Ветер в лицо дул нам встречный
Порцией пыли бросаясь.
Кот ел подачку, увечный.
Шли мы, его не касаясь,
Шли с рюкзаками на рынок,
В окна по ходу глазели.
Шли, не жалея ботинок
Мимо берёзок и елей.
Сзади остались: овчарка,
Белый, с кудряшками пудель,
Дом «новорусского» с аркой
И облака, словно пудинг,
Взбитый со сливками в небе.
Шли мы на рынок, однако.
Но о насущном нам хлебе
Думать мешала собака.
Прозу людей не приемля,
Пудель скакал, весь в кудряшках,
Словно спустилось на землю
Облако белым барашком.
Прыгало облако-пудель,
Чуя весны приближенье,
С образом пуделя люди
К рынку торйли движенье.
Прыгало облако-пудель.
Шли мы за «харчем» на рынок.
В небе, похожем на пудинг,
Цвёл синий-синий барвйнок...

13 апреля 2007 г.

Манная каша детства

Каша манная с малиновым вареньем,
Масла золотисто-жёлтый нимб.
Маминой заботы сотворенье,
Чьей рукой очаг любви храним.

По рецепту я сварила кашу,
Но чего-то в ней недостаёт.
Память мне платочком белым машет:
Мамин дух в той каше не живёт.

Каждый плёвел тянет к свету стебли,
Каждый злак под солнцем хочет жить.
Мне никто соломки не подстелет
Там, где камни бед и лужи лжи.

В прошлом все забавы и игрушки,
Взрослый мир надолго и всерьёз.
И вкусны хоть у чужих ватрушки,
Нет в них соли состраданья слёз,

Сладости нет маминой улыбки,
Щедлости отцовского рубля.
Пожелтели прошлого открытки,
Счастье детства спрятала земля...

Но сварю я снова каши манной,
Вспомнив вкус надежд и боль потерь.
Кашей манной – радостью обманной
Манну детства помяну теперь...

20 ноября 2007 г.

Радоница в Тамбове

Здесь дом, изба, дворец, хоромы
Соседствуют то тут, то там.
Живые мёртвых здесь хоронят,
Стеречь оставив их крестам.

И в день помина, вторник Пасхи
Придут покойных навестить,
Надев на лица скорби маски.
Иные будут голосить:

– Ой, на кого меня покинул?!..
Как без тебя теперь мне жить?
Зачем жива я, а ты сгинул?..
Как мне не плакать, не тужить?..

Вороны в небе над погостом.
Печаль поникнувших голов.
Уйдут все временные гости
Под звон и плач колоколов.

Ах, жизнь, зачем ты нас терзала?
Зачем манила и звала?
Окончен бал, пустеет зала.
Вот-вот наступит ночи мгла.

Что там нас ждёт, за тьмою ночи? –
То ль новый мрак? То ль новый свет?
Как хочет здесь душа, как хочет
Хотя б намёк знать на ответ.

Но нет от Бога ни намёка.
Ни знака от Святых отцов.
Лишь редко в облаке далёком
Вдруг вспыхнет свет Его дворцов...

17 апреля 2007 г.

Поэзия

Как жизни ночь была пуста, темна,
Когда она, невыразима в слове,
Смотрела в душу из беззвёздного окна,
Где под луной, как встарь, ничто не ново.

Где мрак ночной съедал и цель и смысл,
Когда дневные затихали звуки,
И прерывалась начатая мысль
От страха неизбежности разлуки

Со всем, что было значимо, звалó
Когда-то к небольшим, но всё ж свершеньям.
Всё становилось так ничтожно и мало,
Что не заслуживало больше продолженья.

И так текли без цели, света дни,
И, как близнец, был день похож на прежний,
И никуда не звали уж они,
И луч надежды ни один не брезжил.

Когда ж развязка стала так близка,
Или, по крайней мере, обозрима,
Я перестала цель и смысл искать,
Но ощутила их «весомо, грубо, зримо».

Так ощущаешь жажду, боль, закат, —
Он диктуют содержанье чувства.
Мой жизни путь зашёл в тупик, пока
К служенью не призвал алтарь искусства.

Всё изменилось. Ночь и тишина
Теперь друзья разбуженного слова.
И что с того, что перед тьмой одна,
И под луной, как встарь, ничто не ново?..

Твой мозг ещё дремотою объят,
И спят надежды, страхи и желанья,
Но в сны и в кровь уж проникает ряд
Ритмичного «шаманского камланья».

Когда из немоты рождается строка,
И рифмы звук зовёт, и чист, и ясен,
Мне ночи ноша кажется легка,
И жизни миг и жив, и не напрасен.

В нём белый пудель, синяя река,
И облаков грядá, и птичье пенье.
И жизнь полна, и смерть так далека,
И остановлено прекрасное мгновенье!

В ночь с 13 на 14 апреля 2007 г.

Весна на фотографии

Когда весна придёт в сады и рощи,
Когда земля очнётся ото сна,
Моя душа тогда на бытие не ропщет, –
В ней светит солнце, говорит весна.

Вот первый тянется к теплу и свету крокус.
Вот кот погладиться о ногу подойдёт,
И я его поймаю в фотофокус, –
Пусть на фото этот миг живёт.

Запечатлю подснежник и фиалку,
И снять, что в старом парке, отражу.
Мне времени на красоту совсем не жалко,
Её весной повсюду нахожу.

Увижу лес ли в синеватой дымке,
Иль отражение небесное в реке,
Берёзку в зеленеющей косынке,
Миг, – фотоаппарат уже в руке.

Щёлк, щёлк, – мигает глаз затвора,
В нутро своё картинку унося.
Подкрадываюсь к птичкам тихим вором,
В пейзаж свой чуждый образ привнося.

Гоняюсь за шмелями на полянке:
Чтоб «живность» снять, скажу вам, нужен труд.
Обползала все бугорки уже и ямки,
Чтоб глаз кошачьих «щёлкнуть» изумруд.

Вот рыжий пёс (зовут его Чубайсом)
Фото моделью смотрит на меня.
А вот «солдатики»: давай-ка, нагибайся,
Чтоб «крупным планом» их застичь у пня.

Ах, сколько уж отснято «крупных планов»!
Я с фотоSONYй счастлива до слёз!
Пусть манят красками других телеэкраны, –
А мне милее зелень первая берёз.

Апрель 2007 г.

Весенней ночью

Громко брешут собаки в обрыве,
Тишину на клочки разорвав,
В инстинктивном собачьем порыве
Конкурентов гоня изо рва.

Защищая дворняжку «Джульетту»,
Злой «Ромео» лишил меня сна:
Он устроил лихую «вендетту». –
Виновата же в этом весна.

Даже Рэкс, пёс знакомый, влюбился
В ту, что раньше и не замечал.
Все смеются, что Рэкс, мол, женился,
И от сильной любви отощал.

На минуту оставить не может
«Беатриче» лохматую он,
Его ревность сердитая гложет,
Чтит от силы звериный закон.

Гонит прочь он соперников рьяно,
Все забавы забыв до поры.
Порастут скоро страсти бурьяном,
Появились уже комары.

Отыграют собачьи гормоны,
Станет тихо в обрыве ночном.
И весенние синие звоны
Зазвучат колокольцами в нём.

3 апреля 2007 г.

Весна идёт

Душа распахнута навстречу
Весенним свежим ветеркам,
Замысловатой птичьей речи,
Дерев протянутым рукам,

Лохматым встреченным собакам,
Подснежникам то тут, то там,
И промышляющим по бакам
Воронам, галкам и котам.

Забыты прежние мотивы,
Дожливой осени слова.
Вот-вот пушок распустят ивы,
И зашумит весны молва

Среди раскидистых черёмух,
Среди сиреневых кустов,
Берёз листочков клейких, клёнов,
В пролётах голубых мостов.

И синевой засветят дали,
Зазеленеет лес вдали.
Весна нажмёт на все педали
Органа звучного земли!

3 апреля 2007 г.

Весна

Синий, синий неба цвет.
Воздух чист, прозрачен.
Я опять тащу билет
Из судьбы с удачей,

Потому что в ней – весна,
Первые цветочки,
Лазуритовая Цна,
На деревьях почки.

Птичьим песням внемлет слух,
Живность вся не зябнет.
Выскочил на свет лопух,
На тропинку – зяблик.

Голубой, как небо, клюв,
А бочок – малинов.
Обеднеет птицей юг:
Клин летит за клином.

К нам летят скворцы, дрозды,
Лебеди да гуси.
Здесь весна взяла бразды,
Чтобы править Русью.

Все забуду страха сны,
Все конфеты-сласти.
Безусловнее весны
Нет на свете власти!

1-2 апреля 2007 г.

Очарованная юность

Предчувствия, порывы, вздохи,
Стихов мечтательная блажь...
Хоть бед – с воробышкины крохи,
Но драматичен как пассаж!..

С луной ночные разговоры.
Тоска о вёснах в сентябре.
Воздушных странствий крылья-воры.
О смерти память на заре...

Читать по звёздам – буквам рая,
Набросив призрачности флёр.
Отчаянно в печаль играя,
Жечь одиночества костёр.

И слушать музыку черёмух,
И ахнуть, сделав снежный вдох.
И пилигримом в полудрёме
Мять будней блёклый бархат-мох.

«И снова май, и снова цвет!»
И всё аморфно, смутно, зыбко.
Когда тебе лишь двадцать лет,
Так близки слёзы и... улыбки!

С тоскою и слезами мая
Отрадно юности играть,
Когда душа ещё не знает,
Что может в жизни потерять...

3 мая 2007 г.

Осенняя судьба

Осень на подиум вышла, вся –
Яркая, броская, рыжая.
Есть в ней и что-то высшее,
И в то же время бесстыжее.

В гриме и блеске бисерном,
В гроздьях рябин – побрякушками,
С оранжевыми монистами,
В последнем пыланье истовом,
С огненными макушками!

Волнами – платьями, юбками, –
Плещешь на зрителя-путника.
Утром же, бесприютная,
Смотришь туманами мутными.

Шёлком, парчою – листьями
Речи заводишь шуршащие.
Золото вязов, лиственниц
Сыплешь под ноги на счастье нам.

Блистательная, горящая,
В обманку листвы одетая,
В свои ноябри уже зрящая,
Где эхо дождей от лета лишь.

.....

Хвалилась лесами-рощами,
Вводила в соблазн. Осыпалась,
Стоишь теперь голая, тощая,
Разводишь печаль и сырость здесь.

Была хороша, ненаглядная,
Но время так быстро мчится ведь.
Заброшенная, неприглядная,
Тоскливой глядишь волчицею.

Завалена мусора кучами,
Загажена дачником, дачницей,
С ненастными дружишь тучами,
И слёзы льёшь, неудачница...

Но миг твоей жизни огненной
Останется от фотосессии,
В красивые рамки вогнанный,

На память, как платье невестино.

6 мая 2007 г.

Земная печаль

Как плакали-кричали
По родному, по нём...
Туда, где «несть печали»,
Когда-то все уйдём.

Вернёмся мы к началам,
Где ангельская грусть.
Конец земным печалям,
Конец и счастью пусть.

Ведь счастье наше зыбко.
Чуть что, пошла волна,
Сошла с лица улыбка,
А там, внутри, – война.

Себя ли мы ругаем
Иль ближнего браним,
В душе бунтует Каин,
Судьбой своей гоним.

То зависть, бедных, гложет,
То ревность, то нужда,
То старость нас скукожит,
А то «заест среда».

Нас с горем повенчали
Болезнь, разлуки дни...
Туда, где «несть печали»,
Потом, Господь, возьми.

Где нет ни воздыханий
ЗЕМЛИ, ни горьких дней.
Но всё тепло дыханья
Оставим мы на ней.

6 мая 2007 г.

Весенний дождь

Дождь принимался неоднократный,
То тихий, ленивый, то десятикратный,
Идти-моросить, барабанить по лужам.
А в небе лазури полосы всё уже.

– Что хочешь от нас, куафёр⁸ ты небесный? –
Берёз расчесал изумруд ты чудесный,
Осыпал салатные завязи клёнов,
И лаком покрыл волос травок зелёный.

Асфальт сотней зеркалец-луж ты украсил.
И всё-то ты хмур, и всё лик твой ненастен?..
– Хочу, чтоб всё пело вокруг и смеялось,
Чтоб к солнцу тянулось, чтоб всё объяснялось

В любви своим пышным убором и видом,
Чтоб не было места в природе обидам,
Чтоб каждый расцвёл в меру соков и сил,
И этим гармонию в мир привносил.

5 мая 2007 г.

⁸ Куафёр – (уст.) парикмахер.

Когда созреет кедр

*«– А ты знаешь, что трёхсотлетний кедр
звонит перед рубкой?»*

Из разговора

Зачем-то опять написала о смерти.
Пытаюсь ли так примирить себя с ней? –
В приходе-расходной судьбы моей смете
Всё меньше годков (хорошо бы, не дней).

Прожить их хотелось бы с пользой и толком.
Но в чём «польза-толк»? – Это как посмотреть:
Поставить стихов своих книгу на полку?
Собою ли жертвуя ближним, сгореть?..

В согласии с внутренним жить ли настроем,
Иль «брань» бесконечную с сердцем вести?
– Нет, мне не дано быть «по жизни» героем,
В бореньях с собой мне б себя обрести.

Не верю, кто смерти, сказал, не боится.
Боится, мол, боли, которая ждёт.
Ну-ну, сочиняй о себе небылицы.
И тот не герой, кто про смерть себе лжёт.

Меня, да, страшит этот час – умиранья.
Я в маминых смерть рассмотрела глазах,
И хватку её, как у рыбы-пираньи.
И ужас мой вылился в снах и в слезах.

Когда с чёрной меткой поступит конвертик,
Надеюсь, Господь будет милостив, щедр:
Силки опустеют мои перед смертью,
Душа зазвучит, как созревший к ней кедр.

6 мая 2007 г.

Летние сказки

Открывая лета двери,
Забываем о потерях,
Ведь к природе в полной мере
Только летом мы близки.

Ждут нас всех тропинки в парке,
И на солнце тел «поджарки».
И зелёных замков арки
Так воздушны и легки.

И дорвавшийся до речек,
Разогретых пляжных печек,
Будет праздный люд «овечек»
В синем небе наблюдать.

В речке рыбка кувыркнётся,
Счастье бабочкой завьётся,
И такая, друг, начнётся
В душах наших благодать,

Что её ни словом в сказке,
Ни фломастером в раскраске,
Ни в какой-такой рассказке
Ни за что не передать.

По ромашковым дорожкам
Ходят-бродят наши ножки.
А когда покажет рожки
В небе месяц, жёлт и юн,

Из небесных водоёмов
На невидимых парамах
Приплывёт из ночи Дрёма,
А за нею – кот Баюн.

Он нам сказок понамелет
О Снегурочках, о Лелях,
О принцессах и Емелях
И про тот, что с цепью дуб.

И заснёт народ счастливый,
Тихий, мирный, молчаливый.
А под дубом и под ивой
Ходит сказка: туп-туп-туп...

6 мая 2007 г.

Под воскресшею звездой

Прости меня ты, жизнь, прости,
Преемницу земных закатов, –
Не удержала я в горсти,
Что ты дарила мне когда-то.

Что в суетливой спешке дней
К тебе любовью я остыла,
Без роздыха гнала коней
Судьбы усталой и постылой.

Лишь смерти вид остановить
Сумел мой бег, пустой и грешный.
Свой новый день хочу прожить
В краю сиреней и черешен.

И, заново увидев свет
Фиалковой земли весенней,
Я птицей певчей прежних лет
В родные возвратилась сени.

И, словно птица, व्यю гнездо
Уюта нового и счастья.
И под воскресшею звездой
Приму закат свой, как причастье.

2-3 мая 20007 г.

Фото под пальмой

Это было у моря
В стародавние дни.
Сладкий запах магнолий
Источали они.

Как дышалось у моря
Средь нетленных «марин»⁹:
Солнце, пальмы и горы,
Моря аквамарин.

Плыли папа и мама
Вдоль самшитовых кущ.
Мне досталась панама
Да вдоль дач пыльный плющ.

Отшумело то море,
Но хранит шум рапан.
Так штормило, что в горе
Голос счастья пропал.

Где вы, Гагры и Сочи?
Где ты, галечный пляж?..
Тени прошлого ночью
Рвутся на абордаж.

Эти счастья кусочки
Мне теперь не собрать.
Ах, вы, горькие ночки,
Где лишь призраков рать.

Лунный луч вырвет фото
Из полуночной тьмы,
И пронзительной нотой
Зазвучит блик луны.

Там на карточке малой –
Их не тронут года, –
Папа под руку с мамой
Среди пальм навсегда.

Это было у моря.
Будет в памяти пусть.
Отштормит моё горе

⁹ Марина – (фр. *marine*, от лат. *marinus* – морской) – пейзаж, изображающий море.

И останется грусть...

Конец мая 2007 г.

Страшный сон

Посвящается мужу Игорю

Какой мне дикий сон приснился!
Проснулась я, едва дыша, –
Чужою страстью ты прельстился.
Я, одинокая, ушла.

Я шла с душой опустошённой,
Её язвили сотни жал.
Крутился мир умалишённый,
И ты за мной не побежал.

Куда я шла, зачем, не помню, –
Исчезли в боли цель и смысл.
Летели в спину грязи комья,
И жуткий слышался мне свист.

То ты с подругой обретённой
Всю жизнь мою «перемывал».
Я шла с душой разворочённой,
И коршун сердце мне клевал.

А поутру, совсем проснувшись,
Страхнув кошмар ночного сна,
Химерам ночи ужаснувшись,
Увижу я: в окне весна,

И сад в цвету, и ты – со мною,
И лишь поэтому живу.
Я шторы свету дня открою,
И жизнь отпустит тетиву.

Стрела, что целилась мне в сердце,
Из сна в пространство улетит,
Но мир предательств и коммерций
Стрелою в памяти свистит.

Сия меня пусть мйнет чаша!
Господь, помилуй, пронеси!
Не пережить того мне часа:
Весь мир могу я обрести,

Но потерять тебя, и значит –
Себя с тобою потерять.
Пусть в жизни будет всё иначе:
Тебя, как воздух, не отнять!

16 мая 2007 г.

На рассвете

Золотой монетой дня
Блещет солнце для меня,
И для всех, конечно, светит,
Кто и тьмы, и света дети.

А теперь монеты две:
В небе и в реке на дне, –
За бессонницу мне приз –
Утро лета без каприз.

Просто солнце. Просто светит.
Ярче чтоб жилось на свете.
Подниматься не устало.
А в реке-то вдруг пропало,

Провалилось, как в карман.
То ли съел его туман,
То ли рыба, то ли кит.
То ли сетью рыбаки

Отловили ту монету.
Не печалься: это лето,
Это просто снова утро
Рассыпает солнца пудру,

Отражаясь в водной глади,
Тихим светом речку гладит,
Космы длинные раки. –
Всех утешит, кто не спит.

И теперь я поняла,
Почему же не спала:
С горизонта, как с вокзала,
Встретить день не опоздала.

15 мая 2007 г.

Пока ты со мной

Сегодняшний день, он – мой.
Пусть завтра ты будешь с другой
Смотреть на свою звезду,
Платя ей за счастье мзду.

Пусть образам завтра иным
Тобой воскуряется дым,
Но нам пока по пути
За счастьем вдвоём идти.

Пусть нашей мечты олень
Копытцем серебряным бьёт,
Разлуки же мрачная тень
Пусть света у дня не крадёт.

А коли уйдёшь, ту ночь,
Быть может, переживу,
Смогу если боль превозмочь,
Когда полоснёшь по шву.

Отчаянью дань отдав,
Скажу себе: что за дела?!
Он не был моим никогда,
Ничейной и я была.

Моя любовь – впереди.
Возможно, ещё дойду.
А смерть если опередит,
На небе её найду.

16 мая 2007 г.

Ревность

Что ты душу когтишь
И ночами не спишь, –
Ревность?
Опоила меня
Мутным зелием дня. –
А как пелось!
Долбишь каплей во льду,
Дуешь в ту же дуду
Нудно.
Горячо шепчешь вновь:
Ты теряешь любовь! –
Трудно.
Мысль вертится – юла,
Что другая мила, –
Больно.
Мне разлука, что мгла,
А когда-то была
Вольной.
Что мне воля теперь?
Держит душу не дверь
В башне.
Одиночество – зверь
После стольких потерь
Страшный.
Не смотри на меня
Тучей сумрака дня
Рваной.
Мне бы ту залечить,
Что так кровоточит,
Рану.
В чём опору найду,
Обойти чтоб беду,
Ноги?
Знает сумрак-ведун,
Все дороги ведут –
К Богу...
Снова солнце взойдёт,
Разливая свой мёд –
Глянец.
И просохнет слеза,
Новый день-стрекоза
Светом утра в глаза
Глянет.

16 мая 2007 г.

Утро

День пытается пробиться
Через шторы на окне.
Он насвистывает птицей
Песню утра сонной мне.

Сна спадут пелёны, шоры,
Мысль пробудится, ясна.
Я раскрою в окнах шторы, –
Засияет в них весна.

На столе – букет фиалок,
Бело-жёлто-синих крох,
Он слегка подвял и жалок.
Рядом ландышей горох.

Сладковатым ароматом
Одурманил меня вдруг.
Пусть мой будет день богатым,
Как цветами вешний луг.

Утро – всё, как ожиданье
Чуда, сказки, волшебства.
Как наклон и колебанье
Жизни шаткого шеста...

17 мая 2007 г.

Жара в красках

(В тени +33 градуса)

Ультрамариновое утро.
И синий кобальт меж ветвей.
Для тех, кто к ночи не был мудрым,
Не будет утро мудреней.

И новый день в жаре и поте,
Как предыдущий, пролетит.
Людей в реке, как груши в компоте, –
От девяти до девяти.

Распят телами местный пляжик,
Кишит, орёт, визжит река.
А тот, кто лыка уж не вяжет,
Лежит «цыплёнком табака».

Крапак и кадмий, окись хрома¹⁰, –
Пестрит, жужжит весь пляжный рой.
Народ бежит к реке из дома,
Гоним нещадною жарой.

До синих плещутся мурашек,
Мелькают юркие мальки –
Детишки в речке, а мамыши
Готовят снеди им кульки.

Какой-то дурень оголтелый
На всю приёмник врубит мощь.
Ум перегрет и в ссоре с телом.
И завтра нам не светит дождь.

Жара. Жарища, как в пустыне.
Полуденный, без ветра зной.
К закату чуть народ остынет,
Гуськом потянется домой.

Чуть меньше дома – двадцать восемь.
И есть не хочется, но – пить.
В жару невольно вспомнишь осень. –
Жди, будет повод погрустить.

Оставь «филиппики»¹¹ на осень:
Дожди и холод ждут нас в ней.
Раскинет ночь всю в звёздах простынь.
Пусть утро будет мудреней...

¹⁰ Химические элементы, входящие в состав красок: соответственно, красного, жёлтого и зелёного цвета.

¹¹ Филиппики – гневная речь обличительного содержания.

27 мая 2007 г.

Попытка самоуговора

В день Вознесения Христа
Так дивно Ангелы нам пели!
Их взоры в синих небесах
Как будто в души нам глядели.

Две ветви веры в этот день
Вновь узами соединились,
Рассеял свет размолвки тень,
И Ангелы возвеселились.

И умиленная слеза,
Нежданная, из глаз скатилась,
И всё, что видели глаза,
Небесным светом осветилось.

.....

А в это время наверху
Сверлила дрель и бухал молот.
Болел и ныл сустав, опух,
И слух терзало дрели соло.

Соседка делала балкон, –
Чтоб не балкон был, а «конфетка».
Был так некстати шум и звон,
Примерно, как свинье салфетка.

Но я терпела. А куда,
Простите мне, могла я деться? –
Ведь к часу Страшного Суда
Есть смысл к сим звукам притерпеться.

Вдруг я у Бога не найду
Себе прощенья, оправданья.
– Терпи болезнь, беду, нужду,
Чтоб скрасить с Господом свиданье.

Не раздражайся и не злись, –
Для Бога нет ценней смиренья.
И, слыша циркулярки визг,
Внемли за ним иному пенью.

С пилой и молотом смирись,
Попридержи язык и мнение.
Ведь хочешь в рай? – Тогда лечись
Досад, скорбей и бед терпеньем.

10 мая 2007 г.

В однокомнатной «хрущёвке»

Не раз мечтала о балконе
Я в тесноте первоэтажной,
Где всё, как в том «в одном флаконе»:
Мой будуар неавантажный¹²,

Мой кабинет, читальня, зала
С неразберихою вокзала,
И раздевалка, и кладовка
Совмещены здесь очень ловко.

Когда на нужное нет денег,
То о комфорте речь нейдёт:
То полка мне плечо заденет,
То корпус в щёлку не пройдёт.

И вот мечта во мне теплится:
Как будто есть уже балкон –
Светёлка и цветам теплица,
И до чего ж уютен он!

Внутри него цветы и столик,
И кресло, чтоб читать, читать...
Хоть в жизни я не трудоголик,
С балконом им могла бы стать.

И лучшей не было б мне доли –
Писать рассказы и стихи.
Плыла б в балконе, как в гондоле
Я по Венециям стихий.

Известно, любит вдохновенье
На крыльях воспарять в эфир.
А тут какое воспаренье,
Коль рядом кухня и сортир...

Мечта иссякла. Всё, как прежде.
Суша гортань, мечты взалкав.
Моя балконная надежда
Зависла где-то в облаках.

18 мая 2007 г

¹² Авантажный – от фр.: производящий благоприятное впечатление, привлекательный.

Случай в Асеевском парке

Настал черёмуховый май.
Цветут тюльпан, нарцисс, фиалка.
Свет жизни льётся через край, –
Цвести готова даже палка.

Как хризолитна в парке сныть!
Берёзки светятся в серёжках.
Отрадно с другом мне бродить
По старым парковым дорожкам.

И вдруг – хлопок! И крыльев взмах!
Стрелял в ворону «добрый» дядя.
На наше «Ох!» и наше «Ах!»
Плевал тот дядя, в «мушку» глядя.

Он выстрелил в ворону-цель
(из пневмопушки иль мушкета?).
И вздрогнула от страха ель,
Услышав «смерть» из пистолета.

Он был немолод, даже сед,
Но с выправкой легкоатлета,
Он даже, кажется, сосед
Ближайших этажей и клеток.

Померкла вдруг моя весна.
Упало сердце, будто в шахту.
Кричали птицы, ель, сосна,
И дядя вдруг покинул «вахту».

Ему я крикнула вослед:
За что её? Она – ЖИВАЯ!
«Мы все живые», – он в ответ
Отлаял, как сторожевая.

Как объяснить ему, в летах,
Что так нельзя, ворона – Божья!
И что не нам дано решать,
Кому не жить. Себе дороже

И нервам обойдётся речь.
Что говорить? – Она – жи-ва-я!!
Свою-то душу убережь,
И то от смерти не желаем.

10 мая 2007 г.

Тирада против быта

Как вездесущи тараканы,
Всепроникающе-мерзки!
Сочатся каплями из кранов
Заботы наших душ мирских.

Как мухи или таракашки,
Куда ни глянь, всё на виду:
Стряпни, уборки, стирки, глажки, –
Всё липнут мухой на меду.

Забот вседневных мелочёвка
Так поглощает много сил,
Что к вечеру мечта – ночёвка.
Мечты иные быт скосил:

Учить язык, зарядку сделать,
Стихотворенье написать,
Своим заняться бранным телом,
Что стало часто «зависать»,

Как будто старенький компьютер,
А ляжку-то ещё тянуть...
Да мало ль планов было утром.
И всё короче жизни путь.

И надо как-то исхитриться
Хоть главные успеть из дел,
Чтоб перед вечностью не клясться,
Что был талант, да «быт заел».

17 мая 2007 г.

Райские дни

Какие вдруг сине-зелёные дни
Для нас на земле наступили!
Они самоцветам их блеском сродни.
И нет ещё пуха и пыли.

И дождики были, хотя и без гроз.
И зелень повсюду полезла.
И светом пронизаны листья берёз.
Газоны узнали зуб лезвий.

По-летнему жарко. Черёмухи дух
Заполонил палисадник.
И комаров пока мало, и мух,
И прочих довесок досадных,

Что к лету положены, дабы оне
О бренности напоминали:
Хоть счастливы мы в этом солнечном дне,
Но рай всё ж не здесь, чтобы знали.

17 мая 2007 г.

И снова жизнь!

Жизнь ворвалась в мои стихи, как вихрь,
Торнадо, все сметающий преграды.
Едва записывать я успеваю их.
Возможно, то за боль мою награда.

Пишу о том, что было и что есть,
О будущем, как водится, мечтаю,
И это для меня – от жизни честь,
Такое счастье, – и сказать не знаю.

Об этом и мечтать я не могла:
Давно жила, лицом-душой уныла,
И заволакивала путь мой мгла,
А скорбь и вовсе чернотой покрыла.

Я думала, что жизнь моя прошла,
Что только эпилог её листаю,
И в обречённость, как в затвор, ушла,
Надежд крылатых выпустила стаю.

Но снова жизнь! И снова май и цвет!
И эту жизнь в стихах я воспеваю.
Не значит это, что в ней горя нет,
Но счастье есть, – я точно это знаю.

9 мая 2007 г.

«Иди и говори»

У меня вдруг открылись глаза.
Я от боли проснулась во мраке.
Свора бед, отпустив тормоза,
Погналась по пятам, как собаки.

Стала жить, округляя глаза,
Ужасаясь, стоная, боля.
Белый свет застилала слеза,
А собаки всё делались злее.

Я увидела мир, как он есть,
Без привычных романтик и флёра¹³.
Были раньше – «ум, совесть и честь»,
А теперь лишь фиглярство актёра.

Оказалась я в смуте игры.
Окружала меня свора злая.
Я спасенья ждала до поры,
Всей жестокости игр тех не зная.

Я прошла эту боль, этот мрак.
И я видела смерть не из кресла.
И была бы смертельной игра,
Если б заново я не воскресла.

Но за это, судьба, не корю,
Что глаза, хоть и с болью, открылись.
Я проснулась: иду, говорю,
Над собой слыша Ангела крылья.

9 мая 2007 г.

¹³ Флёр – скрывающая пелена, которая мешает ясно видеть что-либо; покров таинственности на чем-либо.

Портрет с противоречьями

По жизни – трусиха и паникёрша,
Не в меру ленива, но в меру добра.
Бываю и мягкой, и колкой, как ёршик,
Терпеть не могу мата, хамства и драк.

Боюсь я болезней, хандры и старенья,
Но всё же и в старости мыслю пожить.
Люблю шоколадки, торты и варенье.
Искусству и Богу мечтала б служить.

Люблю и боюсь. Ненавижу, прощаю.
Сквозь слёзы смеюсь. Хоть не верю, но жду.
Несу ерунду. Временами вещаю.
Терплю (без смирения) боль и нужду.

Се есть человек. Я – от вашего роду.
А племя моё затерялось в веках.
Я двигаюсь в Лету, не ведая броду,
И вечности ветер лелею в руках.

9 мая 2007 г.

Возрождение к жизни

Как странно: я жила и не жила,
И повседневностью опутана, как тиной,
Я будто в стареньком кино была
И видела не жизнь – с неё картины.

Они лишь были копией плохой,
Порой вульгарной, реже – романтической.
Я за своей преподавательской «сохой»
Себе казалась мудрой и практичной.

Вдруг оказалось, жизнь совсем не та,
Какой себе я раньше представляла,
И я как следует уже была в годах,
И жизнь меня как следует помяла.

Но после бед, несчастий, похорон,
Судьба дала передохнуть все шансы.
Хотя весом был дней моих урон,
Но понеслась я снова с жизнью в танце.

И, ощутив в себе восторг и дух стихий,
И вместо журавля увидев в небе цаплю,
Я стала снова петь и сочинять стихи,
Чтоб жизнь продлить, испить её по капле,

Как марочное пьёт гурман вино,
Писатель и поэт смакуют слово,
Как водолаз, спустившийся на дно
И выплывший из мрака к свету снова.

Хочу забыть, что забывать нельзя,
Хотя и помнить вроде бесполезно.
Смотрю, как возрождается земля
От холода, как затяжной болезни.

Земля живёт, надеется, цветёт,
И расцветает моё сердце с нею.
И в ульях жизни зреет новый мёд,
И я о мёде жизни думать смею.

9 мая 2007 г.

«Люблю и ненавижу»¹⁴

Стяжать не славу, но – венцы.
Не рвать у вечности мгновенья.
Так учат святости Отцы.
А я пишу стихотворенья.

Ведь если Слово дал Господь
(надеюсь, я – не графоманка),
Сквозь стынь и мрак, сквозь твердь и водь
Оно прорвётся к жизни танком.

И как смогу теперь посметь
Предать дарованное Богом?!
Препятствием мне будет смерть,
Но не дорóга, не дорóга.

Дышу – пою, хриплю – пою, –
Пусть этой песне люди внемлют, –
Как ненавижу и люблю
И эту жизнь, и эту землю!

10 мая 2007 г

¹⁴ «Люблю и ненавижу» – название книги Т.Москвиной.

Грусть Асеевского парка¹⁵

В Асеевском парке «врубают попсу»,
И берег реки тем же вторит.
Народу здесь кинули кость, словно псу,
Теперь особняк – санаторий.

Потрескались стены в нём и потолки,
Трещит и лепнина фасада.
И лопухом заросли уголки
Старинного барского сада.

На синей веранде не «дуются» в вист.
Оркестр не сзывает на балы.
Осеннего ветра пронзительный свист
Поёт здесь о том, что пропало.

Пока ещё ели стоят зелены,
Посажены любящим папой,
Пытаются ночью достать до луны
Мохнатой игольчатой лапой.

И дуб ещё помнит былые года
И предков асеевских деток.
Тоскою зелёной стекает вода
С его исторических веток.

Когда-то октябрьские злые ветра
По свету гнездо разметали.
Хранит особняк в себе горечь утрат.
И мы все счастливей не стали.

Теперь для «сердечников» краткий приют
Сей дом, разным хворям обитель.
Утративший роскошь былую, уют,
Обшарпанный, грустно глядит он

На деток, играющих там, где карет
Следы под асфальт закатали,
На кучки заплёванные сигарет
В беседках, где раньше летали

Амуры, а нынче прописан комар,
Бутылки, обёртки от свадеб,

¹⁵ Парк, принадлежавший до революции промышленнику Асееву, находится на территории и в ведении нынешнего Тамбовского кардиологического санатория.

На мата под крышей похабный кошмар,
На стройки ближайших усадеб.

Здесь жалобно совы кричат по ночам,
А днём разудалость гармошки
Частушки торчащим поёт кирпичам,
Да бродят насытые кошки.

В столовой под расписным потолком
Витает дух каш-макаронов.
С карниза с осыпавшимся уголком
Глядят на больных Маскароны¹⁶.

И жалок львов-масок беззубый оскал,
И в тёмных подтёках колонны,
Которые осенью дождь полоскал,
Зима не была благосклонной.

Дух прошлого в доме скорбит, и болит
Душа трёхсотлетнего дуба.
И бодрю песню поёт инвалид
Про Родину, сидя у клуба.

6 июня 2007 г.

¹⁶ Маскароны – особые декоративные орнаменты, представляющие собой комбинацию человеческого лица и стилизованных листьев, завитков и прочих украшений.

Про собак и котов

Кто-то пуделей любит, терьеров,
Кто-то – колли, болонок и такс.
Им не вольно, но сытно в вольерах,
Если дом называть можно так.

Их балуют, собачьих инфантов,
Покупают им корм «Педигри»,
Видят в них кучу всяких талантов,
Моют, чешут, выводят угри.

Их стилисты стригут. Куафюры¹⁷
Лепят из беспорядочных лохм,
Чтоб на вязке все стрелы Амура
Попадали в сердца, а не в блох.

Их выводят гулять на природу,
Поиграть и оставить свой след,
Показать экстерьер и породу,
В общем, скажем, выводят их в свет.

Тратят деньги, и время, и силы,
Чтобы шнауцер или терьер
Был на выгуле самым красивым,
Знал команды «Ко мне!» и «Барьер!»

Чаще жизнь удаётся у этих
Одомашненных мелких «скотов»,
Но, признаюсь, милей мне на свете
Внешность, взгляд и повадки котов.

Есть в кошачьей породе то нечто,
Что французы назвали бы «шарм».
Говорят, что коты видят нечисть
Сквозь зелёный хрустальный шар.

Кот не любит домашние клетки,
Он гуляет, хозяин себе,
Доедая людские объедки,
Благодарен и этой судьбе.

Как он ест! Так усерден, неслышен,
Ушки ходят, мелькнёт язычок...
Если ж в лапы поймается мышка,

¹⁷ Куафюры – причёски.

Кот играет в неё, дурачок.

Как пластичен он! Как грациозен!
И хотя в лишаё и плешив,
Если надо, как тигр, будет грозен,
Если хочет – то нежно-пушист.

На охоту выходит сторóжко,
На подушечках кра́дется лап.
Вычищает он зубками «блошков».
Сам себе он травник-эскулап.

Любит нюхать весенние травки.
Защищает пространство своё.
Полакает в ближайшей канавке
И – мурлычет, про счастье поёт.

Много ль коту надо для счастья? –
Вот настала весна, и тепло,
Можно с кошечкой в травке встречаться,
Можно в окна смотреть сквозь стекло.

– Там за окнами бродят собаки:
Тест на службу, видать, не прошли.
Вечно нас провоцируют в драки...
Вон боксёр по прозванию «Али».

Пролетела сорока-трещотка.
Голубь выклевал дрянь из земли...
Вот машина с огромною щёткой
Едет и на прохожих пылит.

На окошке – спокойно и тихо.
Тут герань. Я гераньку люблю...
Шлейф зелёный весна шьёт-портниха.
Я в клубочек свернусь и посплю.

Апрель 2007 г.

Путь к Богу

Сколько маленьких трагедий –
«Вод, огней и труб из меди», –
Носим мы в своих сердцах.

Бросит в жар от этой бреди,
Как представишь – «крыша едет», –
Груз на жизненных весах.

Что посеяно, то сжато.
Искушение – расплата.
Испытание – урок.

Не спасёт «ума палата»,
Чудодейство Гиппократов,
Если танком двинет Рок.

И души твоей редуты,
Даже если были круты,
Под фанфары затрещат.

Выйдет пшик из целей дутых, –
С ними кто-то нас попутал! –
И запросим мы пощаду

У Того, кто всё прощает
И блаженство обещает
Нам, как жалким муравьям,

Чья душа добром тощит.
Он в скорбях нас навещает,
Тащит из зловонных ям.

Мы ж котятами слепыми,
Поминая всуе Имя,
И за свет принявши муть,

Лезем тропками крутыми, –
Кровь от страха в жилах стынет, –
В свой, казалось, лёгкий путь.

Повинуясь чувств порывам,
Скал не видя и обрывов,
Бездн паденья своего,

Всё карабкаемся в гору, –

Дуракам все горы впору, –
И не внемлем мы Его

До поры предупреждениям,
Через скорби убеждениям,
Что пора, мол, отдохнуть

От мирских суёт-соблазнов.
Он един, хотя и разный, –
К Богу неисповедимый путь.

Смотришь, к Богу потянулись
Даже те, кто отвернулись
В позапрошлые года,

От безверия очнулись,
В храм пришли, стоят, сутулясь, –
Так согнула их беда.

И оставив своеволие,
И грехов своих раздолье,
Заблуждений сладкий яд,

На коленях стоя, молим,
И в смирении и в боли:
Господи, пусть будет воля,
Но не наша, а – Твоя!

Июнь 2007 г.

Призыв к покаянию

Кто дружит с верою, тот с Лениным не дружен,
Без Бога рай замыслившим создать.
Хотя, конечно, рай землянам нужен,
И за идею мы готовы пострадать.

Идея хороша, но воплощение плохо.
И не о том ли нам Писатель говорил¹⁸.
Ведь эхо слёз детей, смертей отцов и вздохов
Тем отлилось, кто выше Бога воспарил.

Кто вверг страну в братоубийственную бойню?!
Террором красным мысль и веру убивал!
Лежит на главной площади покойник,
Что Царской кровью свои руки запятнал.

Кто отдавал жестокие приказы?
Интеллигенцию страны считал «говном»?
Не по его ли попустительству, указу
Пал Цесаревич искупительным овном?

Оплачен псевдорай невинных кровью.
Россия в пепле жертв погребена.
Ведь только под Божественным Покровом
Покой и славу обрести могла б она.

Помолимся всем миром и оплачем
Всех тех, кто жертвою бессмысленною пал.
Прости нас, Господи, и научи нас жить иначе,
И отведи от нас трагический финал.

Январь 2007 г.

¹⁸ Речь идёт о романе Ф.М.Достоевского «Бесы».

Культура красоты или красота культуры?

*Вид из окна с уторка́,
пока не слышать матерка*

*Рассвет золотил задремавшую реку,
Деревьев макушки и лодок причал.
Ещё нам по радио гимн «Ку-ка-ре-ку»
Животворящее не прокричал.*

*Но ранние птахи свирельками пели,
И клёкот вороний был нежен и мил,
И спал ещё город в пуховой постели,
Над речкой туман сизой дымкою плыл.*

*И солнце с ленивой над рекой поднималось,
И мрак, и прохладу рассвета гоня.
Над тихой рекою заря занималась
Июньского нового светлого дня.*

*К скамейке подъехала серая «Хонда».
Из дверцы открывшейся вылез пизжон,
И зазвучало бравёрное «рондо»...
Пизжон, как и я, был рассветом сражён.*

*Он вынул из куртки игрушку — мобильник,
И стал примеряться к пейзажу с рекой.
В машине пел песню приёмник-будильник,
А малый с мобильником двигал рукой,*

*Её направляя на утра красоты,
На вид слева, справа и сизый туман,
Прихлёбывал также из банки он что-то,
Курил и снимал утра млечный обман.*

*Так мне из окна моего показалось
Сквозь тюль, и решётку, и липу в окне,
Но что им на самом там деле снималось,
То было, конечно, неведомо мне.*

*Но как-то на сердце моём потеплело.
Подумалось мне: «Нет, ещё молодёжь
Не всё пропела, прокурила, пропела,
Коль ты, Красота, в её душах живёшь».*

*И так стало мне и легко, и отрадно,
И к парню хотелось тому подойти,
И незнакомства разрушить преграду,
И тёплое слово для парня найти.*

*Но, выпив из банки последнее пиво,
А, может, коктейль, но, скорее, не сок,
Он «щёлкнул» себя и закинул в крапиву*

Бочонок пустой, а окурок – в песок.

*Забрался в нутро «навороченной» «Хонды»,
Снял тормоз с лошажьих «японовских» сил,
Сплевал на дорогу и, слушая «рондо»,
На нас наплевав, с ветерком укатил.*

10 июня 2007 г.

Ирине Бирюковой

Как хорошо, что у тебя есть краски,
И чуткий глаз, и нежная душа.
Когда ты прозу превращаешь в сказку,
То забываешь есть, порой – дышать.

Вот охра просится сама в картину,
И сам влечётся к ней ультрамарин...
Вдруг появляется с пионами куртина,
Чуть высвечена бликами зари.

В хрустально-перламутровом уборе
Фигура девушки появится из тьмы...
И бирюзовой дымкой вспыхнет море,
Мою печаль своей волной отмыв.

Купаюсь в цвете. Зыбкость очертаний
Притягивает душу, как магнит,
И тонет прозы опостылевший «Титаник».
А синева всё дальше вглубь манит.

Я уплываю в этот тихий вечер
В гондоле грёз от бед, борщей – от них...
Мечта одна томит: хотелось вечно
В бесплотных жить Венециях твоих.

8 июня 2007 г.

Миражи

Не жила, а ходила по лезвию.
Может быть, ещё так же хожу.
Но, в себе открывая поэзию,
Как я рада её миражу!

Дивен слова прохладный оазис!
И спасителен тем уже он,
Что, надстройкой украшенный, базис
Стал всё больше похожим на сон.

Но когда-то все сны отоснятся.
Мне б отнять у забвенья хоть пядь!
Миражей моих строчки струятся,
Жизни воды бежали чтоб вспять.

День уйдёт, но какой-то кусочек
Своей жизнью теперь заживёт,
И однажды бессонною ночью
В одиночество чьё-то войдёт.

Жизнь моя заструится в ладошках, –
Счастьем-грустью и вас заражу,
И потянутся лунной дорожкой
Ваши души к моей – миражу...

17 июня 2007 г.

Обращение к своему веку-времени

Нет, я ценю свою эпоху,
Хоть и не всё приемлю в ней,
И часто мне бывает плохо,
И чёрен дёготь в мёде дней.

И слишком явны стали глазу
Упадок, нравственности крах,
И меркантильности заразу
На пьедестал возносит прах.

Жесток бываешь и неправ ты,
Но тщусь тебя благодарить,
Что наконец позволил Правду
Рабам-Эзопам говорить!

17 июня 2007 г.

Таинственные знаки судьбы

Прислушайся к голосу Знака, —
Судьба что-то хочет сказать.
Так тон её неординаков,
Когда нам совет хочет дать.

То мёртвую птицу положит
На перекрёстке к ногам,
То ногу споткнёт о порожек,
То пальчики сложит в «фиг-вам».

Остынь и подумай о вечном,
Не бегай за ветром в руках.
Затеpli пред образом свечку.
Не рвись ты с упорством быка

К тобою же выбранной цели:
У Бога свой план на твой путь.
Не лезь ты в лазейки и щели, —
Быть может, пора отдохнуть,

Задуматься, переосмыслить,
Залечь, отсидеться в тени...
Желаний твоих коромысла
Качают на плечиках дни.

Не всё, к чему рвёшься, полезно
Для фибр твоей слабой души,
Идёшь, может, к жалу ты лезвий,
Что в плоскости лишь хороши.

Смотри, замечай, сердцем слушай
Ты голос негромкий судьбы,
Она же ведь хочет, как лучше.—
Мы слышим себя лишь, увы...

5 июня 2007 г.

Вчера, сегодня, завтра... никогда

Понедельник и вторник, а вот и среда, –
Поманили мечтой, пролетели.
Ускользают недели в песок, в «никуда»
Под шарманку шальной карусели.

То, что было «сегодня», вновь стало «вчера».
Лишь надеждами «завтра» ответит,
Глядь, уже наступает на пятки пора
В «никогда» и «нигде» быть на свете.

Муха чёрною точкой в проёме-окне
В перманентном своём постоянстве
Суется, всё ищет лазейку вовне
В подневольном стекольном пространстве.

Рвётся муха на волю, на воздух, к весне,
Хоть опасностей там и немало, –
Как бы дятел её на «застукал» в сосне
И синица в сердцах не склевала б.

Не помощник я пленнице-мухе в окне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.